

**Никон Рождественский Николай
Иванович**

**Мои дневники архиепископ
Никон**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Р62

Р62 **Рождественский Николай Иванович Н.**
Мои дневники архиепископ Никон / Никон Рождественский Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 206 с.

ISBN 978-5-519-99832-1

ISBN 978-5-519-99832-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

много скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь (Пс. 33, 20). Надо наконецъ не забывать, что *много ранъ и грѣшнымъ, но никакой отрады имъ нѣтъ и не откуда ждать.* Земная жизнь такъ устроена, что безъ скорбей никто не живетъ, и даже черезъ золото слезы льются. Такъ ужъ лучше скорбѣть для Бога, для спасенія своей души, чѣмъ невѣдомо для кого и изъ-за чего. Да и самыя скорби, переносимыя для Бога, носятъ въ себѣ утѣшеніе. Это свидѣлствуютъ всѣ крестоносцы хрістіане, всѣ святые Божіи. Переноса скорбь ради Бога, хрістіанинъ тѣмъ самымъ становится причастникомъ страданій Хрістовыхъ, какъ членъ тѣла Его, которое есть Церковь. Прислушайтесь къ тому, что говорятъ св. Апо- столъ Павелъ о своихъ скорбяхъ: *нынѣ радуюся въ страданіихъ моихъ о васъ, яко исполняю лишеніе скорбей Хрістовыхъ во плоти моей за тѣло Его, еже есть Церковь, ей же быхъ азъ служитель по смотрѣнію Божію* (Кол. 1, 24—25). Да и Господь сказалъ и вѣрно слово Его: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Значитъ, Онъ каждую минуту готовъ помочь намъ

и въ перенесеніи скорбей, лишь бы мы держались Его, нашего Отца и Спасителя.

Дѣло за нами, братія! Единъ Богъ всевѣдущій знаетъ, сколько осталось каждому изъ насъ жить на свѣтѣ. Быть можетъ, мы стоимъ уже на границѣ послѣдняго года своей жизни на землѣ. Быть можетъ, небесный Домовладыка уже произнесъ свой грозный судъ надъ нами: уже много лѣтъ жду Я плодовъ отъ этихъ безплодныхъ смоковницъ и не обрѣтаю ихъ: вскую и землю онѣ упражняютъ? Напрасно мѣсто на землѣ занимаютъ... Но милосердіе Его еще ходатайствуетъ о насъ: остави ихъ еще на сіе лѣто... И кто знаетъ? Можетъ быть, и это ходатайство уже послѣднее... Придетъ будущій годъ, и мы будемъ тогда тѣломъ лежать въ темной могилѣ, а душою.. конечно, тамъ, куда сами себя опредѣлимъ—или покаяніемъ и исправленіемъ своей жизни, послушаніемъ призывающему насъ Богу, или же своимъ нерадѣніемъ о спасеніи, рабствомъ грѣху и постояннымъ оскорбленіемъ Бога, столь пекущагося о нашемъ спасеніи...

Имѣяй уши слышати, да слышитъ! Аминь.

152.

О РЕЛИГИОЗНЫХЪ МУДРОВАНІЯХЪ Г МЕНЬШИКОВА.

1. Что разумѣтъ г. Меньшиковъ подъ вѣроу.

Жаль человѣка, который, какъ *заятникъ*, качается изъ стороны въ сторону... То увѣряетъ, что хрістіанство становится пережиткомъ и на смѣну ему идетъ язычествующій буддизмъ; то стоитъ за вѣру въ Бога, хотя о хрістіанствѣ прямо не говоритъ... Таковъ г. Меньшиковъ въ своихъ фельетонахъ въ

„Новомъ Времени“ Его читатели помнятъ его возмутительный фельетонъ о томъ, что хрістіанство, будто-бы, обанкротилось, что идетъ новый свѣтъ съ Востока, въ ученіи іогоевъ... Теперь онъ „привѣтствуетъ“ вновь избранныхъ первоіерарховъ радостнымъ для нихъ сообщеніемъ о томъ, что современная медицина

начинает требовать моральной гигиены. Натуралисты, говорит онъ, начинают требовать психотерапии и наиболее могучимъ средствомъ послѣдней указываютъ благотворное влияние нравственно в(В)ысшаго с(С)ущества на низшее“. Я нарочито подставилъ прописныя буквы въ его словахъ, чтобы мои читатели поняли, о чемъ идетъ, по крайней мѣрѣ должна идти, рѣчь, если только г. Меньшиковъ говорить искренно, а не просто пишетъ очередной фельетонъ.

По его словамъ, выходитъ, что человечество, потерявъ вѣру въ Бога, потеряло вѣру и въ себя, а потому заразилось „вѣчными сомнѣніями во всемъ, недоувѣріемъ къ жизни(?), боязнь и отрицаніемъ ея, „ведущими къ самоубійству“. Это, впрочемъ, говоритъ не самъ Меньшиковъ, а проф. Богдановъ или лучше — французскій ученый Дежеринъ. Отсюда — модная нынѣ болѣзнь — неврастенія, отсюда цѣлое полчище болѣзней *ложныхъ*, коренящихся въ расстройствѣ духа.

Чтожъ?.. Мы порадуемся и тому, что хотя болѣзни всякаго рода заставляютъ наконецъ людей вспомнить о Богѣ. Болѣзни смиряютъ нашъ горделивый духъ, а смиреніе приближаетъ къ человѣку Божию благодать. Публицистъ патетически обращается къ первоіерархамъ съ словомъ поученія: „Отцы и владыки, восклицаетъ онъ: великое предъ вами открывается теперь поприще и радостное до блаженства! Посмотрите на восстанавливаемое патриаршество не какъ на цѣль реформы, а какъ на средство ея. Посмотрите на него, какъ на завершение — не карьеры іерархической, а какъ на завершение своей свободы, свободы апостольскаго служенія человечеству, дичающему и погибающему отъ долгаго отсутствія

„моральной гигиены“. — Пора засыхающему древу Церкви Божіей пустить свѣжіе ростки. Пора создать культуру нравственно совершенныхъ людей, которыхъ одно присутствіе въ обществѣ дѣйствуетъ уже цѣлительно. Для спасенія народа опять нужны, какъ столѣтія назадъ, жарко вѣрующіе священники, подвижники, святые, способные могуществомъ не столько слова, сколько жизненнаго примѣра возстановить генія-охранителя жизни — божественное настроеніе вѣры“.

Золотыя слова. Охотно подъ нами подписался бы каждый архіерей, хотя на счетъ карьеры надо было оговориться: кажется, г. Меньшиковъ и не подозреваетъ, что нѣкоторые архипастыри идутъ на высшія степени служенія Церкви не добровольно, но яко послушники Христовы, со страхомъ восходя на крестъ и готовя себя яко овцы на закланіе... Конечно, міръ судить о всемъ по-мірскому, и для того, кто самъ не пріемлетъ цѣлымъ сердцемъ Божественнаго откровенія какъ такового, кто и бредни іудей Нотовича готовъ признать за пятое евангеліе, трудно и представить, чтобы на Руси нашелся архіерей, не мечтающій о „карьерѣ“, и это можно простить публицисту. А вотъ, что хотѣлось бы сказать по поводу его разсужденій: да что онъ разумѣетъ подъ „вѣрою“? О какой вѣрѣ у него рѣчь?.. Мнѣ кажется, употребляя *наше* слово, авторъ мыслить подъ нимъ совсѣмъ иное... Да, онъ не прочь для массъ народныхъ разумѣть и то, что мы разумѣемъ подъ словомъ *вѣра*: нельзя же, ради спасенія народа отъ гибели, неизбежной при рабствѣ порокамъ, не поступиться и въ пониманіи вѣры: пусть — де разумѣютъ и личнаго Бога, и Христа-Богоче-

ловѣка—Искупителя, лишь бы не опивались, не развратничали, не грабили, не бунтовали... Ну, а мы, интеллигенты, конечно, будемъ стоять выше ихъ въ этомъ понятіи: мы будемъ разумѣть подъ вѣрою „нѣкую пѣлительную силу, нравственную вѣру въ себя, воспитанную многолѣтними внушеніями религіи“. Словомъ, вѣра, по понятіямъ современныхъ мудрецовъ, есть нѣкое самовнушеніе: „будучи разстройствомъ вѣры въ здоровье, невравстенія представляетъ собою анархію ложныхъ внушеній. Иногда достаточно одного властнаго повелѣнія, чтобы больные, годами страдавшіе проявленіями невравстенія, выздоравливали съ поразительною быстротой. Чудо исцѣленія состоитъ только въ возстановленіи вѣры (той ограниченной (вѣроятнo: органической?) увѣренности въ себѣ, въ Высшей Силѣ и во всей природѣ, что составляетъ основу здоровья и спокойствія)“. Такъ просто объясняетъ г. Меньшиковъ исцѣленія. По его мнѣнію, никакой благодати, никакого проявленія силы Божіей, Бога Личнаго, тутъ нѣтъ: самовнушеніе, обманъ мысли, независимо отъ того, существуетъ ли или нѣтъ реально объектъ вѣры, т. е. Богъ. Самая вѣра, въ концѣ концовъ, понимается не постольку, поскольку она есть истина, а постольку, поскольку она цѣнна какъ средство лѣченія. Если раскрыть скобки въ этомъ новомъ ученіи, то получится: какал бы ни была вѣра, будетъ ли магометанская, или языческая, лишь бы только она была вѣрой, проповѣдующей сколько-нибудь пригодныя для человѣчества нравственныя

правила—она, все равно, можетъ имѣть цѣлительную силу.

Правда, г. Меньшиковъ приводитъ и текстъ: Богъ поругаемъ не бываетъ, и—нечестивые истребятся. Но, вѣдь, все это можно понимать и въ переносномъ смыслѣ: Бога разумѣть не въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ пантеистическомъ, ибо и природа, вѣдь, нечестія не оставляетъ ненаказаннымъ. Намъ было бы пріятно отмѣтить, если бы г. Дежеринъ, а за нимъ и Меньшиковъ сказали прямо: безъ вѣры хрістіанской, безъ вѣры въ Личнаго Бога, какъ учить Божественное Откровеніе, невозможно не только спасеніе души, но и исцѣленіе невравстенниковъ... Но этого-то они и не говорятъ. На вопросъ: чѣмъ же лѣчить разстроенную и потрясенную человѣческую душу, они отвѣчаютъ: „единственнымъ основаніемъ, на которомъ покоится вся психотерапія, является благотворное влияніе одного существа на другое“. Сказано очень осторожно: не сказано: влияніе Божіей благодатной силы по молитвамъ вѣры, не сказано и—внушеніе врача или другихъ людей, а просто: одного существа—понимай, какъ кому угодно: человѣка, или Божества, или же существа изъ другого міра...

Вотъ почему къ привѣтствіямъ и благопожеланіямъ г. Меньшикова приходится отнестись осторожно: основная мысль, что спасеніе въ вѣрѣ—безусловно вѣрна, но понимать подъ вѣрою надобно то, что разумѣетъ святая Церковь, а не то, что понимаютъ психіатры, въ родѣ г. Дежерина, и публицисты, въ родѣ г. Меньшикова.

2. Что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ Священнымъ Писаніемъ.

Въ № 1993 „Колокола“, по поводу разсужденій г. Меньшикова о вѣрѣ, я выразилъ сомнѣніе: да что

онъ разумѣетъ подъ вѣрою? Теперь онъ даетъ поводъ спросить его: что онъ разумѣетъ подъ Священнымъ

Писаніемъ? Впрочемъ, и спрашивать нѣтъ надобности: онъ самъ же отвѣчаетъ. По его словамъ, у разныхъ народовъ разные, такъ называемыя священныя книги напоминаютъ другъ друга и внѣшнюю и внутреннюю стороною. Ихъ немного. Въ сущности, для основанія блестящей цивилизаціи достаточно одной очень тоненькой книжки, какъ бы она ни называлась: Илиадой, Евангеліемъ или Кораномъ; на крайній случай, для воспитанія неисчислимыхъ поколѣній достаточно всего десяти фразъ, начертанныхъ перстомъ Божиимъ на скрижаляхъ. Вотъ что я называю Священнымъ Писаніемъ, воскрешающимъ духъ народный".—Ясно, что и Илиада, и Коранъ стоятъ у него наравнѣ съ Евангеліемъ Господа нашего Іисуса Христа. Оставалось тутъ же поставить еще и Талмудъ: вѣдь, и эта книга имѣла громадное вліяніе на приѣмлющій ее народъ... Тоже, вѣдь, своего рода цивилизація!

Никто не будетъ спорить, что всѣ эти книги имѣли громадное вліяніе на народы. Но если г. Меньшиковъ считаетъ себя хрістіаниномъ, то не слѣдовало бы ему Коранъ называть священной книгой, священнымъ писаніемъ. Именно—писаніемъ. Мы понимаемъ подъ этимъ словомъ только Библію. Одна Библія имѣла безмѣрно—великое значеніе въ дѣлѣ культуры чело-вѣчества, какого не имѣла ни одна книга. И Веды, и Коранъ имѣли силу, главнымъ образомъ, потому, кажется, что въ свое время у извѣстныхъ народовъ не имѣли себѣ соперниковъ въ другихъ книгахъ и выдавали себя за откровеніе божественное. Одна Библія была истиннымъ откровеніемъ Божественнымъ и потому никакія книги, послѣ нея появившіяся, не могли соперничать

съ нею по вліянію на умы и сердца людей.

Но оставимъ вопросъ о вліяніи. Насъ гораздо болѣе интересуетъ вотъ что.

Все чаще и чаще приходится наблюдать, какъ у насъ крадутъ слова міръ и дѣлаетъ изъ нихъ, вы-ражаясь словами митрополита Филарета, „идоложертвенное употребленіе“. Въ самомъ дѣлѣ: украсть у насъ міръ святое, чистое слово „любовь“ и стать разумѣть подъ нимъ животную, плотскую похоть. Теперь похитилъ слово „вѣра“ и разумѣть—какое-то самовнушеніе, безъ отношенія къ тому, существуетъ ли реально объектъ вѣры или нѣтъ. Вотъ и теперь: беретъ г. Меньшиковъ слово „Священное Писаніе“ и разумѣть подъ нимъ не только Библію, но и Веды, и Коранъ, а можетъ быть и Талмудъ. Такимъ образомъ изъ понятія „священное писаніе“ уже само собою исключается понятіе о его богодухновенности, о божественномъ откровеніи. Евангеліе ставится на ряду съ Илиадой, съ Кораномъ, Ведами... такъ же, какъ „вѣра“—на ряду съ „самовнушеніемъ“, „могипнозомъ“, „любовь“—съ похотью плотской. Изъ каждаго понятія вытравляется, незамѣтно для читателя—неспециалиста, тотъ „признакъ, который дѣлаетъ это понятіе хрістіанскимъ, вѣрующая въ протѣ душа обкрадывается и въ сознаніи, въ міросозерцаніи нашихъ интеллигентовъ происходитъ подмѣна; вмѣсто православно-хрістіанскихъ, даже просто хрістіанскихъ понятій закладываются языческія подъ тѣми же словами, подъ какими съ дѣтства усвоены нами понятія хрістіанскія. Это опаснѣе открытой проповѣди безбожія. Противъ вторженія такой, открытой проповѣди душа стоитъ на стражѣ, а тутъ врагъ прокрадывается въ

нее подъ личиною друга и крадетъ ея сокровище, какъ будто не опустошая его хранилищъ, а только подмѣнявая его. Г. Меньшиковъ справедливо говорить, что „мы живемъ еще въ началѣ религіознаго одичанія общества—слѣдующія поколѣнія доживутъ до худшихъ бѣдъ“ А самъ своимъ талантомъ содѣйствуетъ этому грядущему одичанію. Правда и то, что „древнеязыческая литература не лишена была оттѣнка благородства: и тамъ были великіе правоучители, въ родѣ Достоевскаго, но они не спасли цивилизаци, а погибли вмѣстѣ съ нею“ Но если такъ, то зачѣмъ же хрістіанское міросозерцаніе отвращать язычествомъ? Зачѣмъ чистыя понятія хрістіанскія подмѣнивать сначала полу, а потомъ и совсѣмъ языческими? Согласенъ я съ г. Меньшиковымъ и въ томъ, что идеи, подобныя идеямъ Достоевскаго, часто „суть только зрѣлища ума“, или, какъ говаривалъ покойный мой дядюшка-псаломщикъ: игра ума,—„онѣ, какъ кинематографическія картины, смѣняють другъ друга, развлекають воображеніе, слегка волнують и ничего больше“ Впрочемъ нельзя сказать: „ничего больше“: иногда заставляютъ глубоко задуматься и заронить спасительное сѣмя въ душѣ человѣка. Покойный извѣстный критикъ-патріотъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ рассказывалъ мнѣ, какъ подъ вліяніемъ чтенія отрывка статей критика Аполлона Григорьева, сидя въ Петро-Павловской крѣпости, онъ совершенно измѣнилъ свое прежнее полужазыческое міросозерцаніе на хрістіанское, но ни онъ, ни самъ А. Григорьевъ, ни даже Достоевскій не стали подвижниками въ дѣятельномъ осуществленіи своихъ хрістіанскихъ убѣжденій. „Никогда, письменна человѣ-

ческія, говорить г. Меньшиковъ, не изобиловали такою бездною мысли, какъ теперь, но въ лучшемъ случаѣ свѣтская литература играетъ роль Маренъ, не знающей единого на потребу“. Для насъ цѣнно это признаніе г. Меньшикова, если оно было искренно. А сомнѣваться въ этой искренности намъ даетъ поводъ онъ самъ же. Если „верховная власть немногихъ благородныхъ идей, въ которыхъ исчерпывалась бы воля Вѣчнаго, нужна, если эти немногія, святость которыхъ плѣнительна и очевидна для всякой неисторченной души, должны внушаться каждому поколѣнію съ младенческихъ лѣтъ, должны звучать какъ непрекаемый глаголъ, должны служить путеводною нитью въ лабиринтѣ жизни“, то зачѣмъ же подрывать авторитетъ того источника, изъ коего только единого онѣ, эти идеи, и бьютъ живымъ ключемъ? Зачѣмъ истинно-священное писаніе, нашу святую Библію, приравнивать къ Ведамъ, Иліадѣ и даже Корану? Зачѣмъ вносить путаницу понятій въ сознаніе нашихъ полунинтелигентовъ, съ довѣріемъ читающихъ писанія г. Меньшикова? Да и можно ли вѣрить искренности человѣка, который находитъ возможнымъ довѣряться французскому іудею Нотовичу и его вымыслы принимать, чуть ли не за пятое евангеліе?... А г. Меньшиковъ еще восклицаетъ: „какъ найти теряемое народами Священное Слово, (прописныя буквы его) и какъ внушить въ него вѣру—этотъ величайшій вопросъ культуры заслуживаетъ неустанной заботы архіепископовъ и патріарховъ“ Подождимъ, съ этимъ и я не могу не согласиться, да только вопросъ: что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ этимъ „Священнымъ Словомъ“?

153—154.

Мечъ обоюдоострый.

Никогда, можетъ быть, даже во времена гоненій отъ язычниковъ, не было столько опасностей для Церкви, какъ въ наши, яко бы мирные, дни. Ей грозятъ и внѣшніе и внутренніе враги. Внѣшніе — это секты и расколы, открыто отпадшіе отъ нея: внутренніе — это не порвавшіе открыто единенія съ нею, но уже неединомышленные, уже мудрствующіе по своему смышленію въ вопросахъ вѣры и пониманія жизни по вѣрѣ. И послѣдніе, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть опаснѣе первыхъ. Потерявъ довѣріе къ авторитету руководства церковнаго, они легко могутъ подчиниться вліянію еретичесствующихъ мудрованій и залутаться въ сѣтяхъ, разставленныхъ еретиками. И это можетъ произойти незамѣтно для нихъ самихъ: нѣкоторое время они будутъ еще считать себя православными, полагая, что усвоенныя ими разномыслія, не существенны, но потомъ, укрѣпившись въ этихъ разномысліяхъ, будутъ уже и самую Церковь обвинять въ неправомъ пониманіи своего ученія и тѣмъ увлекать другихъ, вѣрныхъ чадъ Церкви. А сіи чада Церкви, зная ихъ за православныхъ, безъ всякаго опасенія будутъ прислушиваться къ ихъ мудрованіямъ и отравляться ими. Вотъ почему намъ, пастырямъ Церкви, необходимо зорко стоять на стражѣ святыхъ православія, внимательно слѣдя за всѣми, даже, по видимому, благопріятными теченіями и явленіями въ духовной жизни народа и образованнаго общества, зная, что и сатана иногда преобразуется въ ангела свѣтла, и ядъ иногда подносится подъ видомъ ле-

карства... И чѣмъ невиннѣе кажется внѣшняя форма, въ которую облечена опасная для Церкви тенденція, чѣмъ полезнѣе представляется то или иное начинаніе, та или иная добрая мысль, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ обсудить это съ точки зрѣнія церковнаго ученія, тѣмъ больше должно освѣтить это свѣтомъ церковнымъ. Да это, кажется, и сознается, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто вѣренъ заветамъ Церкви и понимаетъ опасность, ей грозящую въ наши дни. По неволѣ становись чутокъ, иногда до болѣзненности, когда постоянно видишь, какъ врагъ подкрадывается съ той стороны, откуда его не ожидаешь. А посему, пусть простятъ намъ, пастырямъ Церкви, тѣ добрые міряне (отъ пастырей я этого не ожидаю), которые ненамѣренно, неосторожно, по неопытности въ духовной жизни, въ дѣлѣ учительства, иногда односторонне освѣщаютъ тотъ или иной вопросъ въ области этого учительства и тѣмъ даютъ намъ поводъ обращать вниманіе на эту односторонность въ предостереженіе чадъ Церкви отъ увлеченія этою односторонностью. Мы полагаемъ, что такіа указанія полезны не только симъ чадамъ Церкви, но и тѣмъ, кто является вольнымъ или невольнымъ виновникомъ этого увлеченія. Въ Церкви Божіей, какъ въ живомъ тѣлѣ Христовомъ, всѣ члены должны беречь другъ друга и каждый долженъ знать и дѣлать свое дѣло въ духѣ любви и святого послушанія Господу и ей, матери нашей — Церкви.

Недавно мнѣ пришлось быть въ собраніи „Христіанскаго содруже-

ства учащейся молодежи“. Докладъ дѣлалъ предсѣдатель общества распространія Священнаго Писанія въ Россіи, почтенный Э. К. Пистолькорсъ на тему: „О практическомъ значеніи слова Божія въ жизни“. Въ живой, одушевленной любовью къ слову Божію рѣчи докладчикъ изобразилъ „различныя грани“ слова Божія, сравнивая его съ драгоценнымъ алмазомъ, — его дѣйствіе на душу человѣческую, необходимость для хрістіанина изучать его, проводить въ жизнь, „реагировать имъ на печальную дѣйствительность нашего времени“ и стремиться къ духовному возрожденію чрезъ слово Божіе... Рѣчь окончилась; но, какъ говорится, въ воздухѣ чувствовалось, что осталось что-то недосказанное. Руководитель „Содружества“, протоіерей Лахостскій предложилъ присутствующимъ высказаться по содержанію доклада, и на кафедрѣ появилась молодая дѣвушка. Чуткая юная душа попыталась высказать то, что, мнѣ казалось, было на душѣ не у нея одной. Она указала, что докладчикъ какъ-то замолчалъ Церковь: призывая читать слово Божіе, онъ не упомянулъ, что въ церкви, при богослуженіи, оно читается постоянно, что при домашнемъ чтеніи надобно быть особенно осторожнымъ въ его пониманіи... Послѣ обмѣна мыслей нѣсколькихъ лицъ, я съ своей стороны сказалъ, что очень былъ радъ встрѣтиться не только съ представителемъ, но и съ предсѣдателемъ того общества, съ коимъ, лѣтъ 25 тому назадъ, велъ полемику въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ Я указалъ тогда на одинъ существенный недостатокъ устава этого общества, недостатокъ, который ощущается особенно въ наше время. Дѣло въ томъ, что общество поставило своею задачею распространіе исключительно слова Божія,

Священнаго Писанія, не допуская къ распространенію чрезъ своихъ книгоношъ какихъ-либо, даже и Церковно одобренныхъ, даже святоотеческихъ толкованій слова Божія. Такая односторонняя постановка дѣла совершенно не соотвѣтствуетъ нашему православному пониманію этого святаго, въ сущности, дѣла. Еще апостолъ Петръ, на примѣръ, замѣтилъ, что въ посланіяхъ апостола Павла „есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственнымъ своей погибели, превращаютъ, какъ и прочія Писанія“ (2 Петр. III, 16). Тотъ же апостолъ, одобряя вѣрующихъ, что они обращаются къ слову Божію, „какъ къ свѣтилинику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ“, однакоже предупреждаетъ, „что никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшать самому собою“, и что это надо „знать прежде всего“ (2 Петр. I, 20). Самъ докладчикъ сказалъ, что слово Божіе, по свидѣтельству апостола Павла, есть мечъ духовный, и притомъ оно „острѣе всякаго меча обоюдоостраго“ (Евр. IV, 12). Кто умѣетъ владѣть симъ мечомъ, тотъ поражаетъ враговъ своего спасенія, а кто не умѣетъ владѣть имъ, какъ должно, тотъ легко можетъ нанести имъ вредъ своей же душѣ. Всегда должно помнить, что симъ оружіемъ часто пользуются и враги наши — діаволъ и его слуги вѣрные, разные лжеучители. Вспомните, какъ сатана искушалъ Господа: и онъ, вѣдь, ссылаясь на Священное Писаніе: *писано есть...* Подобнымъ образомъ искушалъ онъ и святыхъ подвижниковъ: на примѣръ, склоняя ихъ къ нарушенію обѣта цѣломудрія, онъ указывалъ на слова Писанія: *не добро быти челоуѣку единому... честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно*. Всѣ ереси, всѣ лжеученія и расколы произошли оттого,

что люди не понимали истиннаго смысла Священнаго Писанія. Прочитаетъ человекъ какое-либо мѣсто въ Писаніи и начинѣтъ толковать по-своему, какъ вздумалось, погрѣшится въ своемъ толкованіи, а тамъ и отъ единства Церкви Божіей отдѣлится, сдѣлается ересіархомъ. Нужно ли приводить примѣры? Вздумалъ Арій протолковать по своему слова Христа Спасителя: *Отецъ Мой, болей Мене есть*—и преткнулся своимъ мудрованіемъ, и впалъ въ богохульную ересь: Сына Божія, Отцу единосущнаго, назвалъ такою же тварію, какъ и Ангелы Божіи, за что и преданъ былъ анаѣмѣ на первомъ Вселенскомъ Соборѣ. И сколько было такихъ безумныхъ, самочинныхъ толкователей Священнаго Писанія, и всѣ они были упорными противниками святой Церкви, сынами погибели! Одинъ толковалъ по-своему вторую заповѣдь Божію и сталъ иконоборцемъ, другой сталъ по-своему объяснять слова апостола: *единаго ходатаѣ Бога и человековъ—Христосъ Іисусъ*, и сталъ мудрствовать, будто уже во все не нужно призывать въ молитвѣ на помощь ни Матери Божіей, ни святыхъ Ангеловъ, ни святыхъ угодниковъ Божіихъ; третій прочиталъ слова того же апостола: *благодарити есте спасени, чрезъ нѣру*, и началъ толковать, будто ужъ и добрыхъ дѣлъ совсѣмъ не требуется для спасенія... Вотъ какія богохульныя лжеученія происходятъ оттого, что люди берутся не за свое дѣло—толкуютъ слово Божіе по-своему, какъ имъ на умъ придетъ, а не такъ, какъ изъясняетъ оно святая Церковь православная.

Какъ же быть, что дѣлать, чтобы не погрѣшиться въ уразумѣніи Священнаго Писанія? Какъ научиться владѣть симъ мечемъ обоюдоострымъ? Прежде всего помни, что ты

спасаешься не самъ по себѣ, не какъ отдѣльный человекъ, якобы имѣющій непосредственный доступъ къ своему Спасителю, а только какъ членъ тѣла Христова—Церкви, спасаешься въ Церкви и чрезъ Церковь. Все дѣло спасенія Господь поручилъ Церкви и въ ея спасительнаго лоно нѣтъ спасенія, какъ никто не избѣжалъ всемірнаго потопа внѣ Ноева ковчега. Блаженный Августинъ говоритъ: „спасается только тотъ, кто имѣетъ главою Христа, а имѣетъ главою Христа лишь тотъ, кто находится въ Его тѣлѣ, которое есть Церковь“ Она и только она есть *столпъ и утвержденіе истинны* (1 Тим. 3, 15), въ ней—богоучрежденное священноначаліе, въ ней всѣ богоустановленныя таинства, она—хранительница священнаго преданія и непогрѣшительная истолковательница слова Божія. „Не должно у другихъ искать истину, говоритъ святой Иринеи, ее легко заимствовать отъ Церкви, ибо въ нее, какъ въ богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежитъ истинѣ. Гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, тамъ и всякая благодать“.—„Кто Церкви не слушается, говоритъ другой святой отецъ, тотъ не сынъ Церкви; кто не сынъ Церкви, тому Христосъ не пастырь; кому Христосъ не пастырь, тотъ не Христова овца, кто не Христова овца, тотъ напрасно ожидаетъ вѣчной жизни“—„Хочешь спастись? поучается святитель Златоустъ: пребывай въ Церкви и она не выдастъ тебя. Церковь есть ограда: если ты внутри сей ограды, то тебя не тронетъ волкъ, а если выйдешь вонъ, то будешь похищенъ звѣремъ. Не уклоняйся же отъ Церкви: нѣтъ ничего въ мірѣ сильнѣе ея. Она—твоя надежда, въ ней твое спасеніе“. Помни: „кому Церковь не мать, говоритъ святитель Кипріанъ, тому и

«Богъ не Отецъ!»

«Вотъ вамъ завѣты святыхъ отцевъ и учителей Церкви! Въ этомъ руководственномъ общемъ правилѣ, или догматѣ, спасенія уже заключается отвѣтъ и на вопросъ: что дѣлать, чтобы не погрѣшить въ разу́мніи Священнаго Писанія. Крѣпче держись ученія и руководства матери Церкви; когда встрѣтишь въ словѣ Божіемъ что-либо для тебя непонятное, ищи объясненія не въ своемъ мудрованіи, не въ мудрованіи самочинныхъ толковниковъ Писанія, коихъ нынѣ развелось такъ много, а тамъ, гдѣ повелѣваетъ искать его святая мать твоя—Церковь православная. А она указываетъ намъ такіа объясненія въ самомъ же Священномъ Писаніи (напримѣръ, что непонятно въ Ветхомъ Завѣтѣ, то часто объясняется въ Новомъ), предлагаетъ въ своихъ символахъ, или изложеніяхъ православной вѣры, въ опредѣленіяхъ святыхъ соборовъ, въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви—вотъ гдѣ найдешь ты разрѣшеніе всѣхъ твоихъ недоумѣній. Святые отцы толковали Священное Писаніе такъ, какъ ихъ учили сему святыя апостолы. Изъ 2-го посланія апостола Петра уже видно, что онъ объяснялъ своимъ ученикамъ „неудобовразумительныя“ мѣста посланій апостола Павла. Апостолъ Павелъ не разъ ссылается на то, чему онъ училъ словесно. А какъ строго святыя отцы и учителя Церкви хранили все то, что приняли отъ святыхъ Апостоловъ, это видно изъ ихъ же писаній. Такъ св. Иринеи рѣшительно говоритъ, что „незнающіе преданія апостольскаго не могутъ познать истину изъ одного Священнаго Писанія“. Св. Климентъ Александрійскій говоритъ, что „тѣ, кои толкуютъ Священное Писаніе не по церковному преданію, а по своему мудрованію, по-

теряли правило истины“.—„Только тогда прекратятся заблужденія чело́вѣческія, пишетъ святитель Кипріанъ, когда мы будемъ толковать слово Божіе согласно съ преданіемъ Церкви“ — „Не слѣдуетъ самому вдаваться въ изъясненіе Священнаго Писанія, предостерегаетъ св. Варсонофій Великій, ибо дѣло сіе представляетъ немалую опасность для невѣрующихъ. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о Священныхъ Писаніяхъ по своему разу́мнію—есть безуміе“ — Вотъ почему святая Церковь на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ рѣшительно законоположила: „аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не иначе да изъяснится оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви—богоносныя отцы“ (пр. 19).

Вотъ общее правило для тѣхъ, кто ищетъ разу́мніи Священнаго Писанія. Живи въ Церкви, мысли по-церковному, вопрошай о всемъ Церковь, ищи у нея разрѣшенія всѣхъ твоихъ недоумѣній, смиря свой разумъ въ послушаніе Церкви. *А вышнихъ себѣ не ищи и крѣпльшихъ не испытуй: яже ти повелѣнная—въ сихъ пребывай* „Кто не въ Церкви, говоритъ св. Иларій, тотъ вовсе не можетъ разумѣть божественнаго слова“ И это понятно: слово Божіе есть слово жизни, а благодатной жизни внѣ Церкви—нѣтъ! Вотъ почему для погибающихъ оно есть юродство въ то время, когда для спасаемыхъ—сила Божія. И пока чело́вѣкъ не живетъ въ Церкви, не исполняетъ животворящихъ заповѣдей Христовыхъ, дото́лѣ для него и слово Божіе—книга запечатлѣнная, какъ бы написанная на чужомъ языкѣ. Кто знаетъ, напримѣръ, еврейскую азбуку, тотъ можетъ читать по строкамъ и еврейскую Библию, но что-

бы понимать каждое слово въ ней, надо знать еврейскій языкъ. Иначе можно громко читать еврейскій текстъ, но вовсе не понимать, что читаешь. Есть много ученыхъ, знающихъ Библию отъ доски до доски, изслѣдовавшихъ ея текстъ на всевозможныхъ языкахъ, но совершенно чуждыхъ ея духа, разсуждающихъ о семъ духъ какъ слѣпой судить о цвѣтахъ или глухой—о музыкѣ. А кто живетъ по заповѣдямъ Божиимъ, въ благодатномъ общеніи съ Церковію, на томъ сбываются слова Христавы: *утаилъ еси, Отче, сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ*. Великій началоположникъ монашескаго житія, преподобный Антоній, прозванный Церковію именно *Великимъ*, не зналъ даже грамоты, а слово Божіе зналъ такъ, какъ не знаютъ его наши ученые. Преподобная Марія Египетская, проведшая бурную молодость въ грѣшныхъ наслажденіяхъ, а затѣмъ, очищенная 47-лѣтнимъ подвигомъ въ пустыняхъ Иорданскихъ, такъ поразила преподобнаго Зосиму знаніемъ Писаній, что старецъ воскликнулъ: „гдѣ жъ ты научилась писаніямъ?“ и получилъ отвѣтъ отъ смиренной подвижницы: „Богъ посылаетъ знанія смертнымъ“... И такіа чудеса просвѣщающей благодати Христовой возможны только въ православной Церкви. Та же благодать руководила и тѣхъ святыхъ мужей, которые, живя въ Церкви, освящаясь и такъ сказать питаясь ея таинствами, очищая свое сердце отъ страстей, писали свои толкованія на слово Божіе. О святителѣ Златоустѣ, напримѣръ, разсказывалъ его ученикъ и другъ, а впослѣдствіи и преемникъ по кафедрѣ, св. Прокль, что самъ онъ, Прокль, видѣлъ не разъ ночью, какъ въ часы писанія Златословеснымъ учителемъ его без-

смертныхъ толкованій на посланія апостола Павла, самъ сей апостолъ таинственно руководилъ пишущимъ святителемъ, и это видѣніе было какъ бы олицетвореніемъ вѣрованія древней Церкви, что кто благоговѣнно изучаетъ слово Божіе, руководясь преданіемъ Церкви, (а Златоустъ самъ свидѣтельствуетъ, что пишетъ „не свои слова, а слова отцевъ нашихъ, чудныхъ и знаменитыхъ мужей“), тому таинственно содѣйствуетъ въ семъ святомъ дѣлѣ благодать Божія за молитвы Церкви, на небесахъ торжествующей. Что въ живомъ человѣкѣ *память*, то въ тѣлѣ Церкви—преданіе: это *живой голосъ Церкви небесной*, присно пребывающей въ благодатномъ общеніи съ Церковію земной. Руководится однимъ своимъ смысломъ въ толкованіи слова Божія, отвергая преданіе, значило бы то же, что потерять память въ личной жизни, забыть свой личный опытъ, всѣ уроки прошлаго. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ живетъ, у него накопляется опытъ, обогащается память; то же и въ Церкви: съ теченіемъ вѣковъ историческая жизнь Церкви осложнялась, являлись новыя запросы, появлялись новыя лжеученія, и собирательный умъ Церкви долженъ былъ все глубже и глубже опускаться въ „море писаній“, какъ выражается святитель Златоустъ, и оттуда доставать все новыя и новыя жемчужины ученія церковнаго, а избранные мужи, носители духа церковности, вѣрные хранители церковныхъ преданій, запечатлѣвали это въ своихъ писаніяхъ и, такимъ образомъ, вносили ихъ въ сокровищницу церковнаго преданія. Благодатію Божіей православная Церковь живетъ и понынѣ, тщательно охраняя сокровищницу своихъ преданій, а Духъ Божій, вѣруемъ, обогащаетъ сію со-